

УДК 351.858 (091)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/06>

Алексеева Л.В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ ЮГРЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

L. V. Alekseeva

ABOUT SOME ASPECTS OF PUBLIC HEALTH CARE AND SOCIO-CULTURAL SPHERE OF YUGRA IN EXTREME CONDITIONS OF THE WAR

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье являются малоизученные вопросы состояния здравоохранения и социокультурной сферы Ханты-Мансийского национального округа (1941–1945 гг.). На основе введения в научный оборот новых документов, определены условия и факторы изменений; основные задачи и их реализация в исследуемых сферах. В центре внимания – анализ факторов, оказавших влияние на финансовое, кадровое, материальное обеспечение состояния учреждений в изменившихся условиях военного времени. Автор выявляет существование типичных проблем в положении здравоохранения, образования и культуры, способов преодоления трудностей. Большое внимание в статье уделено анализу фактов, показывающих работу системы здравоохранения в рамках задач, определенных Наркомздравом СССР по охране здоровья населения (детского, в первую очередь), недопущения эпидемий. В состоянии школьного дела охарактеризованы дискуссионные вопросы, касающиеся количества школ; контингента учащихся разных ступеней обучения; проблемы охвата всеобщим обучением детей 8–15 лет; численного и кадрового состава учителей. Систематизирован материал и о подготовке кадров в средних специальных учебных заведениях округа, проанализированы количественные показатели и условия деятельности, материально-бытовое положение учителей и учащихся. Рассмотрена ситуация с культурными учреждениями Югры. Фактически, лишенная окружного централизованного руководства, сфера культуры финансировалась по остаточному принципу, но вносила свой посильный вклад в решение задач по культурному обслуживанию населения, являясь транслятором государственно-патриотических идей. Автор формулирует вывод, что здравоохранение, образование и культура несмотря на колоссальные сложности военного времени, в целом выдержали испытания, выполнили возложенные задачи, и как весьма значительная часть тыла, внесли свой вклад в победу в

Abstract. The subject of the article is the little-studied issues of the state of health care and socio-cultural sphere of Khanty-Mansiysk National District (1941–1945). The conditions and factors of changes are determined; the main tasks and their implementation in the studied spheres based on the introduction of new documents into the scientific circulation. In the center of attention is the analysis of the factors that influenced the financial, personnel, material support of the state institutions in the changed wartime conditions. The author reveals the existence of typical problems in the situation of health care, education and culture, ways of overcoming difficulties. Much attention in the article is paid to the analysis of facts showing the work of the health care system within the framework of the tasks defined by the People's Commissariat for Health of the USSR to protect the health of the population (children are in the first place), to prevent epidemics. In the state of school affairs, the discussion issues concerning the number of schools, the contingent of students at different levels of education, the problem of universal education coverage of children aged 8–15, the number and staffing of teachers are characterised. The material on staff training in the district's specialised secondary educational institutions is systematised, quantitative indicators and conditions of activity, teachers' and students' material and living conditions are analysed. The cultural sphere was financed on a residual principle, in fact, it deprived of the district centralised management, but made its best contribution to the solution of problems on cultural services to the population, being a transmitter of state-patriotic ideas. The author formulates the conclusion that health care, education and culture, despite the enormous difficulties of wartime, in general withstood the tests, fulfilled the assigned tasks, and as a very significant part of the home front, contributed to the victory in

тяжелейшей войне советского народа. Научная новизна и практическая значимость представленных материалов, определяются введением в научный оборот новых архивных документов, уточнением и расширением представлений о социокультурных процессах в регионе, их теоретическим осмыслением на основе модернизационной парадигмы и системного подхода. Полученное новое знание, систематизированное и структурированное может найти применение как в научных исследованиях, так и в образовательном процессе, а также социокультурных проектах ХМАО. Вполне очевидно, что интерпретация истории Югры военных лет как тылового района, нуждается в существенном расширении традиционной тематики и постановке новых исследовательских проблем. Необходимо обратить внимание на разные аспекты жизни тыла, в том числе и в социальной сфере. Сложность военной эпохи (включая повседневную жизнь разных категорий людей округа: основное население, временное (эвакуированные) и спецконтингент) требует выявления особенностей в их социальном, материально-бытовом, экономическом положении. Наблюдается потребность в переосмыслении сюжетов, связанных не только с анализом эффективности деятельности партийных и государственных управленческих структур сферами здравоохранения, образования и культуры, но и с правовым положением, с реальной ролью правящей Коммунистической партии, а в более широком контексте – с выяснением ключевых характеристик военно-политического режима и его взаимоотношений с обществом на материалах региона.

Ключевые слова: война; здравоохранение; учреждение; образование; культура; округ; население.

Сведения об авторе: Любовь Васильевна Алексеева, ORCID: 0000-0002-1870-4052, д-р истор. наук, профессор, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, lvalexeeva@mail.ru

the hardest war of the Soviet people. Scientific novelty and practical significance of the presented materials are determined by the introduction of new archival documents into the scientific turnover, clarification and expansion of ideas about socio-cultural processes in the region, their theoretical understanding on the basis of modernisation paradigm and system approach. The obtained new knowledge, systematised and structured, can be applied both in scientific research and in the educational process, as well as in socio-cultural projects of the Khanty-Mansiysk Autonomous District. It is quite obvious that the interpretation of the history of Yugra during the war years as a rear area needs a significant expansion of the traditional topics and setting new research problems. It is necessary to pay attention to different aspects of life on the home front, including the social sphere. The complexity of the military era (including everyday life of different categories of people in the district: the main population, temporary (evacuees) and special contingent) requires the identification of peculiarities in their social, material and economic situation. There is a need to rethink the subjects related not only to the analysis of the effectiveness of the Party and state management structures in the spheres of health care, education and culture, but also to the legal situation, the real role of the ruling Communist Party, and in a broader context – to find out the key characteristics of the military-political regime and its relationship with society on the materials of the region.

Keywords: war; health; institution; education; culture; county; population.

About the author: Lyubov V. Alekseeva, ORCID: 0000-0002-1870-4052, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, lvalexeeva@mail.ru

Алексеева Л.В. О некоторых аспектах здравоохранения и социокультурной сферы Югры в экстремальных условиях войны // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2024. №1(65). С. 62-83. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/06>

Alekseeva, L.V. (2024). About Some Aspects of Public Health Care and Socio-Cultural Sphere of Yugra in Extreme Conditions of the War. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(65)), 62-83. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-1/06>

В настоящее время отечественная историческая наука находится на пороге нового этапа осмысления опыта и значения Великой Отечественной войны, в том числе и роли тыла в победе над врагом. Сегодня патриотизм, воплощённый в практических действиях, является условием существования и выживания, самосохранения и развития нации [7, с. 3]. В этой связи в современном научном знании о военном лихолетье не может быть закрытых тем или таких аспектов, которые бы не нуждались в дополнительном изучении. Надо детально разобраться и в том, какой вклад внес в победу в войне 1941–1945 гг. Ханты-Мансийский национальный округ (далее – ХМНО), тогда – глубокая периферия, слаборазвитый в экономическом и культурном отношении край, малонаселенный (100 тыс. человек) и труднодоступный район страны.

Одной из малоизученных тем тыловой жизни ХМНО являются здравоохранение и социокультурная сфера. Цель статьи – на основе исследовательской литературы и источников (преимущественно архивных) выявить и систематизировать фактографический материал о состоянии медицины, образования и учреждений культуры ХМНО как основы социальной сферы, не входивших в число приоритетных направлений жизни округа в годы войны; на теоретическом уровне осмыслить факты, свидетельствующие об условиях и уровне выполнения поставленных задач; осуществить анализ факторов, оказавших влияние на характер изменений в положении сферы; оценить вклад военного поколения культработников, учителей, медиков в общую победу в региональном измерении.

Тема не является достаточно изученной в региональной историографии. При подготовке статьи использованы отдельные фактографические данные исследований М.Е. Бударина, Ю.П. Прибыльского, Н.Б. Патрикеева, Л.В. Набоковой, Л.В. Алексеевой, Д.В. Кирилюка, Л.Ф. Струся, Л.М. Завьяловой, К.Г. Букрениевой, А.Г. Киселева и др. Имеющаяся историография по истории здравоохранения и культурному развитию региона весьма разноплановая, ее авторами выступают как профессиональные историки, так и краеведы, а также начинающие исследователи. Имеющийся комплекс исследовательской и научно-популярной литературы имеет как несомненные достижения, так и целый ряд «лакун» тематического и хронологического характера. Основу формирования нового материала для статьи составили архивные документы, обнаруженные в фондах Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, Исторического архива Омской области, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Поставленные исследовательские задачи решались на основе комплексного использования исторических методов исследования: историко-сравнительного, структурно-системного, проблемно-хронологического.

В советской историографии тыла больше внимания уделялось изучению состояния хозяйства (особенно рыбной промышленности), трудовому подвигу рыбаков, а также руководящей роли Коммунистической партии, являвшейся организатором и идейным вдохновителем трудовых будней военного времени (М.Е. Бударин, Ю.В. Костецкий, Ю.П.

Прибыльский и др.). Социокультурной сфере и состоянию здравоохранения уделялось фрагментарное внимание.

Современные исследователи сосредоточились на изучении мобилизационной экономики, вопросах мобилизационной работы партийных организаций, эвакуированного населения и спецпереселенцев (Б.У. Серазетдинов, Л.В. Алексеева, А.И. Иванов, К.Г. Букренева и др.). По социокультурной истории и прошлом здравоохранения Югры обобщающих работ не создано, имеются лишь несколько небольших по объему публикаций, отражающих некоторые аспекты истории школ (Н.Б. Патрикеев, Д.В. Кирилук, Н.С. Салимова и др.), средних специальных учебных заведений (А.Г. Киселев, Г.Р. Назмутдинов и др.). Весьма бегло представлено состояние здравоохранения (Б.У. Серазетдинов, Л.Ф. Струсь, Л.М. Завьялова), работа культурных учреждений (Б.У. Серазетдинов, Н.С. Салимова). Отрывочные сведения не позволяют составить полную картину состояния социальной сферы ХМНО военного времени, т. е. достигнутый в настоящее время уровень научной разработанности вопросов развития образования, культуры, медицины округа еще не позволяет создать обобщающий научный труд о состоянии социальной сферы округа в годы войны. На пути изучения сибирского тыла (частью которого является и Север Западной Сибири) как исторического феномена, сделаны лишь первые шаги, а многие ключевые темы остаются неисследованными [22, с. 71].

Условия и приоритеты. Условия для развития, т. е. изменений к лучшему в исследуемой сфере можно охарактеризовать как весьма неблагоприятные. *Отставание* как черта региона, проявлявшаяся во всех сферах социальной жизни на протяжении веков, в годы войны, в условиях внешней угрозы, стала фактором вызова, ответом на который оказалась вынужденная трансформация, называемая языком той эпохи – перестройкой всей социальной жизни на военный лад, потребовавшей от руководителей округа и населения всеобщей мобилизации на трудовом фронте, разносторонней помощи сражающейся стране и ответственности за ее судьбу. Война – это глубокий коллективный стресс. После первых недель войны, общенародный шок достаточно быстро прошел и начались тяжелые будни.

Приоритетными направлениями работы органов региональной власти тылового района прежде всего являлись: воинская мобилизация и подготовка резервов для армии и флота; организационно-политическая работа с населением и мобилизация экономики на выполнение производственных задач для нужд фронта (изготовление изделий лесной и деревообрабатывающей промышленности, производство рыбной и сельскохозяйственной продукции и др.). Однако, наряду со стратегическими и первоочередными задачами, требовалось решать и иные задачи, в том числе и в сфере здравоохранения, и организации социокультурной жизни населения, особенно в направлении государственной военно-патриотической идеологии.

Здравоохранение, являясь органичной частью социальной сферы, выполняет важнейшую функцию по укреплению здоровья населения, предупреждению болезней, снижению заболеваемости, инвалидности и смертности. Уникальными по значимости являются критические периоды в истории медицинского обслуживания населения. Именно тогда проявляются все достоинства и недостатки системы здравоохранения [5], выявляется ее способность отвечать на вызовы и решать многочисленные проблемы. Перед Наркоматом здравоохранения СССР и всеми медицинскими работниками страны стояла задача обеспечения квалифицированной и своевременной медицинской помощью военнослужащих, эвакуацию раненых и больных. Требовалось не допустить, а где-то и предотвратить появление и распространение различных эпидемий, подвергнуть перестройке всю систему органов здравоохранения. Соответствующие тыловому району задачи были поставлены и медикам ХМНО.

В медицинской помощи и лечении нуждалось местное население, бойцы РККА, вернувшиеся с фронта по ранению, эвакуированные в округ из прифронтовой полосы (в том числе дети), и большой по численности спецконтингент, представленный различными категориями (спецпереселенцы для рыбной промышленности, административно высланные, а также депортированные народы по этническому признаку и др.). В тех условиях особенно важно было организовать систематическую санитарную и противоэпидемическую работу.

Основу медицинской сети ХМНО составляли больницы и фельдшерско-акушерские пункты (далее – ФАП). Территориальная удаленность медучреждений (далее – МУ) составляла 400–500 км. В 1941 г. общее количество МУ составляло 262, в связи с прибытием спецпереселенцев в 1942 г. и открытием медпунктов их численность увеличилась до 314. Однако, неукомплектованность медработниками, вынужденная оптимизация имевшихся скромных ресурсов, привели к сокращению МУ. В 1943–1944 гг. вновь возобновили работу 36 медпунктов [20, с. 86-87]. В 1945 г. в округе работало 157 МУ.

На основе приказов Наркомздрава СССР, Омского обкома ВКП (б), 4 декабря 1941 г. бюро Ханты-Мансийского окружного Комитета ВКП (б) (далее – ХМ ОК ВКП (б)) Омской области приняло постановление «О мерах усиления медицинского обслуживания гражданского населения в округе» [8, Ф. Р-8. Оп. 1, Д. 62, Л. 9-9 об.]. Постановление начиналось с неудовлетворительной оценки работы системы здравоохранения в округе, где перечислялись недостатки: закрытие медицинских пунктов из-за отсутствия медработников, неравномерное распределение врачей по округу, неиспользование имевшегося оборудования по причине отсутствия специалистов и т. д., т. е. это были явления системного порядка и не зависели от рядовых работников. Постановление предписывало все перечисленные недостатки исправить.

Текущий комплекс задач, стоявших перед системой здравоохранения округа, включал в себя профилактику острозаразных заболеваний, заботу о здоровье детского населения, оказание медпомощи коренному населению и борьбу с социальными болезнями.

Особенностями задач войны являлось и лечение призывников, многие из которых имели различные заболевания [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 62. Л. 103].

Численность медперсонала в 1940 г. в округе составляла 160 человек (из них – 46 врачей). В первой половине 1941 г. работали 65 врачей, 113 фельдшеров, 76 акушеров, 9 зубных врачей и 112 медсестер; в 1945 г. – 55 и 507 соответственно [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 722. Л. 8; 8, Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 275. Л. 128; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 58. Л. 7, 20-216; Д. 66. Л. 47 об.; 9, Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 320. Л. 54-55]. На фронт ушли десятки фельдшеров и медицинских сестер, большая группа врачей (хирурги, терапевты и др. специалисты). В связи с мобилизацией среднего медицинского персонала ряд фельдшерских пунктов и ФАП остались некомплектованными работниками. В Березовском и Сургутском районах закрыли по 5 пунктов в каждом, в Кондинском – 6. Не хватало медработников и в других районах округа. На начало 1942 г. в округе осталось 24 врача (муж. – 7; жен. – 17), т. е. две трети докторов уже были призваны на фронт. Среднего медперсонала, включая санитаров, осталось 69 (т. е. 1/4 часть медсестер и фельдшеров были призваны на фронт) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 66. Л. 2].

Аппарат окружного здравоотдела состоял всего из трех человек: заведующего (П.А. Широбоков – врач), секретаря и бухгалтера. В 1944 г. в состав отдела ввели должности двух инспекторов (работали врачи: Соловьева и Спиридонова) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64]. Во главе руководства всех районных здравоотделов находились медицинские работники со средним специальным образованием, мало подготовленные для руководящей работы. В основном это была молодежь без опыта или с минимальным опытом практической работы, слабо владевшая диагностикой заболеваний и методиками лечения. Половину населения округа составляли дети. В районах в 1944 г. работали только два педиатра. Для оказания помощи, особенно при вспышках инфекционных заболеваний, из округа в районы направлялись специалисты лечебных учреждений Ханты-Мансийска. За период военного времени было командировано в районы округа 19 человек с общей продолжительностью пребывания в них в течение 49 месяцев. Вели медики и большую общественную работу. Наиболее важной являлась подготовка персонала с элементарными медицинскими знаниями. За период войны в округе подготовили 250 медсестер запаса (из них призвали в армию – 108), санинструкторов – 30, санитаров – 50, (в армию ушли – 18), сандружинниц – 556 (в армию ушли – 46) [6].

Финансирование медучреждений осуществлялось минимальное. Бюджет формировался трехуровневый (РСФСР (Тюменский облздрав), окружной и сельский). Общий бюджет в 1945 г. составил 7424,3 руб. [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 4]. Бюджетные ассигнования выросли только к концу войны [18, с. 204]. И то, этот увеличенный бюджет 1945 г. был на 40% меньше, чем бюджет школьного образования. Много нареканий по несвоевременному финансированию адресовывалось Тюменскому облздравотделу, задерживавшему отправку не только денег, но и дезинфицирующих средств и

оборудования, что было чрезвычайно важно в условиях борьбы с вспышками инфекционных заболеваний [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64]. Больницы округа оснащались крайне скудно. Не хватало всего: медпрепаратов и инструментов; перевязочных, моющих и дезинфицирующих средств; мебели и инвентаря (особенно мягкого: халаты, полотенца, одеяла, простыни и т. п.). Однако, больницы при культбазах (Казымская и Сосьвинская) были оборудованы хорошо (еще в довоенный период). В них имелись: рентгеновский аппарат, лабораторное оборудование, физиотерапевтическая установка. Хорошей больницей являлась Березовская (больница с богатой историей – первая на Севере Западной Сибири), она являлась второй по значимости в округе, после окружной (окружная больница была на 105 коек). Персонал Березовской больницы регулярно выезжал на обслуживание коренного населения. Как следует из справки по выполнению приказа Наркомздрава СССР от 6 декабря 1944 г. № 311-о «О состоянии здравоохранения в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской области», многочисленные проблемы медицины в округе сохранялись [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64–65]. Основные трудности в здравоохранении все же были связаны с недостатком квалифицированных кадров. В 1944 г. 12 врачебных участков не имели врачей (всего участков – 30). В течение этого года два врача умерли, два самовольно уехали из округа, одного врача осудили за «подпольные» аборты [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 90. Л. 64]. Врачи, трудившиеся в округе, как правило совмещали несколько должностей, и работали по 16–20 часов в сутки.

Болеть во время войны люди стали больше. Сказывались стрессы, ухудшение материально-бытовых условий жизни (в том числе теснота и скученность населения), недостаточное питание. В 1941 г. приняли в медучреждениях менее 390 тысяч больных, то в 1944 г. – свыше 793 тысяч. Возросло число заболеваний. Эпидемическое состояние округа характеризовалось наличием таких заболеваний как грипп, который свирепствовал в 1941 г., например, в Кондинском районе болело 80–90% населения; сыпной тиф (в 1943 г. – 70 случаев); брюшной тиф (наибольшая вспышка произошла в 1942 г. – 184 случая), у детей встречались такие болезни: скарлатина, дифтерия, корь, грипп. В начале 1942 г. выявили чесотку у детей в Тром-Аганском интернате (почти 100%) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 604. Л. 3; Д. 722. Л. 20; Д. 632. Л. 74–75]. Медицинское обслуживание коренного населения сильно снизилось, не имелось возможности выехать в отдаленные стойбища. Среди заболеваний у народов Севера преобладали трахома, туберкулез, парша, чесотка. Госпитализация больных почти не осуществлялась. Санитарное просвещение среди народов Севера также ослабло [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 632. Л. 74–75; 9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 32].

Одной из сложнейших задач здравоохранения являлось обеспечение удовлетворительного медико-санитарного состояния детских домов и школ-интернатов. Дети, эвакуированные из Ленинграда, прибывали в ХМНО в течение августа – октября 1942 г. Численность детей на 24 октября 1942 г. составляла 944 человека. Лечебная и профилактическая работа осуществлялась доступными средствами. В ряде детских домов

отсутствовал постоянный медицинский работник; наиболее распространенными заболеваниями вначале являлись различные формы дистрофий, а встречавшимися эпизодически являлись: чесотка, туберкулез, стоматит, кариес, простудные заболевания. Медицинские работники, тем не менее, справились с лечением дистрофий и авитаминозов, и вместе с персоналом детских домов выходили детей, сохранили их здоровье и жизни [3, с. 146].

С прибытием в округ эвакуированных медицинских специалистов, возвращением с фронта ряда врачей и медсестер, налаживанием элементарной медпомощи среди спецконтингента, расширением лечебно-профилактической базы, госпитализацией тяжелых больных, возросшей сетью детских яслей (в них находились дети первого года жизни, а мамы работали на производстве) в 1944 г. снизилась смертность среди населения (по сравнению с 1940 годом смертность снизилась в 2 раза, а детская почти в 5 раз).

По данным на 01.01.1945 г. в округе еще работали эвакуированные ленинградские врачи (их реэвакуация будет происходить летом 1946 г.). В их числе работала К.Д. Герасимова (окончила в 1937 г. 2-й Ленинградский мединститут), значилась как вдова с ребенком 11 лет. Доктор обзавелась хозяйством, коровой, жила и работала в с. Нахрачи (Кондинский район), совмещала две должности: заведующая райздравотделом и заведующая больницей [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 87. Л. 17]. По штату в округ требовалось в 1945 г. еще 37 врачей. В округе работали 32 больницы, 33 врача и 176 человек среднего медперсонала [8, Ф. Р-8. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 об.].

Документы зафиксировали имена лучших медицинских специалистов: Н.А. Потанин – главврач тубдиспансера, И.Н. Оносова – врач Ларьякской районной больницы (данная больница вместе с роддомом в 1942 г. была признана лучшей в округе), Ф.И. Гарбуз – заведующий Самаровским райздравотделом, Е.В. Канева – фельдшер Нарыкарского трахомотозного пункта, А.А. Пакина – заведующая Салымским ФАП и др. Наиболее известным врачом в округе являлся Н.А. Потанин. Он работал в ХМНО с начала 1930-х гг., заслужил доверие и уважение особым даром общения с людьми, чуткостью, отзывчивостью, желанием вникать в существо быта коренных жителей, в их насущные проблемы. В годы войны Н.А. Потанин совмещал несколько должностей, в том числе был мобилизован в военную призывную комиссию, работа которой протекала круглые сутки. Им был организован кружок на общественных началах по оказанию скорой медицинской помощи. Н.А. Потанин входил в состав чрезвычайных троек по ликвидации вспышек инфекционных заболеваний [3].

Несмотря на большие трудности военного времени, физическое перенапряжение, МУ работали (и кроме лечебной, санитарной, профилактической работы своими силами осуществляли заготовку дров и сена, делали ремонт; развивали подсобные хозяйства; занимались общественной работой и т. д.). Самый главный результат в лечебной работе был тот, что врачи не допустили эпидемий; локализовали вспышки сыпного тифа и малярии

(1943 г.), а затем и очаги сыпного тифа, малярии, кори среди спецпереселенцев-калмыков (1944 г.), вспышку малярии в 1945 г. (5 311 случаев, в том числе 819 человек из числа коренных национальностей) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 3]. Они справились с ними удовлетворительно, хотя и не без проблем, и потерь среди гражданского населения и медперсонала.

Официальная оценка работы МУ со стороны окружной партийной организации носила резко критический характер, и в ряде вопросов не являлась положительной. В конце войны бюро ХМ ОК ВКП (б) констатировало неудовлетворительное состояние лечебных учреждений. Как следует из документа, основные претензии к их работе связывались с отсутствием медицинской помощи коренному населению [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 32]. В 1945 г. процент обслуживания медицинской помощью коренного населения составлял 8% к общему числу пациентов округа [9, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 4 об.]. Тенденцию к стабилизации ситуации и сведения, свидетельствующие о положительной динамике в медобслуживании по некоторым направлениям, можно обнаружить в «Справке о росте здравоохранения за 2 года 1945–1946 гг. по Ханты-Мансийскому округу» от 03.12.1946 г. Улучшения наблюдались в педиатрической помощи, родовспоможении (так, среди коренного населения, домашние роды составили 42,7%, следовательно более половины рожениц обратились в МУ), сокращении инфекционных заболеваний (особенно острозаразных) [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 3-4]. Тем не менее, остро стояла проблема, связанная с туберкулезом – заболеванием, приобретшее в годы войны широкое распространение и дававшее наибольшую смертность. Проблемой в округе являлась специализированная медицинская помощь. Врачебные участки возглавляли врачи общей практики и фельдшеры. В районных больницах не хватало хирургов, окулистов, инфекционистов, фтизиатров, педиатров и др. специалистов. В округе работал единственный врач-гинеколог. Сеть санитарно-эпидемических учреждений до 1941 г. вообще отсутствовала, имелась лишь одна станция в Ханты-Мансийске. После имевших место вспышек остро заразных заболеваний, в 1945 г. открыли три станции и три пункта в районах округа. Своими помещениями такие МУ не располагали, размещались в лечебных учреждениях. Ни одного врача данные станции не имели, в них работали медики со средним образованием [8, Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 6].

Анализ документов показывает, что в условиях нехватки персонала, плохого материального обеспечения медицины, тяжелых условий жизни эвакуированных специалистов, медицинская служба Югры тем не менее выдержала испытания военного времени, исчерпав все внутренние возможности для развития.

Социокультурная сфера округа являлась важным участком прежде всего идеологической работы. В годы войны идейно-воспитательная деятельность находилась в центре внимания партийных организаций, где основным направлением стало военно-патриотическое. Тем не менее, изученный комплекс документов позволяет констатировать, что органы государственной и партийной власти держали на контроле состояние школьного

образования, и в меньшей степени вникали в работу по культурному обслуживанию населения. Ю.П. Прибыльский утверждал, что война замедлила, но не приостановила развитие культуры [18, с. 182], стоит согласиться с данной оценкой процесса.

Объекты социокультурной сферы, в первую очередь школы, школы-интернаты, детские дома, несмотря на огромные трудности, имели минимальную государственную поддержку. Организация ежедневной работы этих учреждений осуществлялась во многом благодаря трудовому подвижничеству и патриотическим починам работников. М.Е. Бударин придерживался мнения, что период войны явился важнейшим этапом преобразований в сфере культуры народов Севера, новым культурным подъемом (как подтверждение использовался факт увеличения численности школ) [2, с. 338, 345]. Это утверждение весьма спорно, документы свидетельствуют как раз об обратном, а именно об ухудшении положения школ в годы войны.

Главной задачей в области социокультурной политики местных органов власти являлось сохранение и осуществление *школьного образования*. Основным вопросом, который занимал историков народного образования в советское время – проблема осуществления всеобщего в трудных условиях военных лет. Данная тенденция наблюдается и в современной региональной историографии. И это неслучайно, т. к. еще в январе 1941 г. на Всероссийском совещании Нарком просвещения В.П. Потемкин выделил в качестве основной задачи – проведение в жизнь всеобщего семилетнего образования на селе и полного среднего (тогда десятилетнего) в городской местности. На общегосударственном уровне цели организации учебно-воспитательного процесса в военных условиях были сформулированы в августе 1941 г., сводившиеся к реализации всеобщего, воспитанию советского патриотизма, вовлечению учащихся в общественно-практическую деятельность и производительный труд, направленных на укрепление обороны страны и быстрейший разгром врага [15]. Следовательно, охват всех детей школьного возраста школой (т. е. всеобщее обучение) являлось задачей номер один.

С самого начала войны правительство пыталось сохранить школы и народное образование на том уровне, который не только позволял бы обеспечить текущие потребности страны, но и мог стать основой дальнейшего подъема школьного дела. Однако военные будни оказались настолько тяжелыми, что потребовались огромные усилия очень многих людей (представителей власти, руководителей школ, учителей, самих учащихся и их родителей) для того, чтобы обучение детей не прекращалось. Финансирование школ округа осуществлялось в следующих размерах: 1941 г. – 14 658 тыс. руб., 1942 г. – 11 084 тыс. руб., 1943 г. – 13 388 тыс. руб., 1944 г. – 14 679 тыс. руб., 1945 г. – 11 067 тыс. руб. [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 861. Л. 221]. Конечно, стоит подчеркнуть, что основная доля этих средств шла на обеспечение школ-интернатов и детских домов. Разделяем вывод Д.В. Кириллюка относительно того, что часть отпущенных средств иногда оставалась и

неизрасходованной, так как товарные фонды отсутствовали или были недостаточны (т. е. нужных товаров не имелось: ткани, обувь, одежда, мягкий инвентарь) [10, с. 27].

Одним из дискуссионных является вопрос открытия новых школ в округе. Так, Ю.П. Прибыльский считал рост числа школ особенностью военного периода (+ 61 школа) [18, с. 194]. Мы также придерживаемся данного утверждения. В 1940/41 уч. г. школ насчитывалось 195, в 1944/45 уч. г. – 234 (+39), в 1945/46 уч. г. их стало 259 (+ 64 школы к уровню 1940/41 уч. г.). Мы объясняем этот факт прибытием спецпереселенцев, эвакуированных и депортированных (так, по нашим подсчетам, только спецпереселенцев прибыло в округ не менее 26 тыс.) [1, с. 93]. Д.В. Кирилук придерживается иного мнения на этот счет, утверждая, что школьная сеть в 1941–1945 гг. «была довольно невелика и росла медленно» [10, с. 27]. Вместе с местными детьми в школах обучались дети из детских домов. На 1 декабря 1943 г. в округе имелось 11 детских домов с численностью в них 1219 детей и 60 работниками [9, Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 239. Л. 6]. Кроме 10 ленинградских детдомов, в округе работал местный Березовский детский дом.

Одной из особенностей ХМНО являлось и то, что это была сельская местность, малонаселенная, с преобладанием небольших школ первой ступени (т. е. начальных). В 1944/45 уч. г. численность начальных школ составляла 179. Д. В. Кирилук подсчитал, что доля сельских школ составляла в округе 98% [11, с. 43]. Национальные школы для детей народов Севера – также особенность округа. К осени 1945 г. из общего числа школ (259), 89 составляли национальные [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 89]. Их численность также росла в годы войны. Так, в 1944/45 уч. г. открыли 22 начальных школы, из которых 11 являлись национальными [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 8]. Более половины национальных школ являлись школами-интернатами и оставались на полном государственном обеспечении. На 1.01.1944 г. число интернатов составило 59 (с количеством детей в них – 1875). В конце 1944/45 уч. г. интернатов было 62 [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 8]. Обучение в старших классах (8–10 кл.) являлось платным. От взноса за обучение освобождались дети воинов Красной Армии. Всего средних школ в округе имелось семь [9, Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 320. Л. 209]. Анализ статистических данных показал, что численность учащихся младших классов за военный период возросла. 2/3 школьников являлись учащимися начальной школы (8–11 лет). Так, в 1944/45 уч. г. из 18 426 учеников, 13 052 составляли учащиеся начальной школы [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 9]. Ухудшение материального положения заставляло коренных жителей отдавать детей в интернаты. Другой причиной роста количества учеников начальной школы стало прибытие спецконтингента. Старшеклассников (8–10 кл.) в конце 1944/45 уч. г. насчитывалось 615 человек, в течение года покинули старшую школу 82 ученика [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 87]. После окончания начальной школы дети коренных народов, как правило, заканчивали обучение (за самым редким исключением). Ребята из основной школы (5–7 кл.) бросали школу и уходили на производство. Так, в рыболовстве, начиная с 1942 г. доля школьников составляла 1/3 от общего числа учеников, регулярно

участвовавших в производственных работах [1, с. 85-86]. Например, только в последнее военное лето на колхозных полях работало 3,5 тыс. подростков [16, с. 62].

Дети войны испытывали трудности не только материально-бытовые, но и морально-психологические. Обремененные трудовыми обязанностями (в колхозах дети работали, начиная с 12 лет), несли ответственность за младших братьев и сестер, в силу чего многие ученики не уделяли должного внимания учебе. С успеваемостью дело обстояло плохо. За 1941/42 уч. год она составила 81,8%, за I полугодие 1942/43 уч. г. – 80,9% [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 654. Л. 42], в последующие годы успеваемость не поднималась выше 82%. Например, неуспевающих насчитывалось в 1942/43 уч. г. 3 034 человека – пятая часть всех учеников [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 226. Л. 74]. В 1943/44 уч. г. из общего числа учащихся перевели в следующий класс 10 940 (66,6%) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 86-87].

На качество обучения оказывал большое влияние и образовательный уровень учителей, остававшийся в большинстве случаев крайне низким. В связи с мобилизацией, много учителей оказалось в армии. Анализ документов показал, что в период июля – августа 1941 г. из каждого района округа призвали на фронт по пять учителей [8, Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 181. Л. 3-9]. В 1942/43 уч. году в округе не хватало 46 учителей начальных классов; для средней школы: директоров – для 4-х школ, завучей – для 3-х школ, учителей для средней школы – 15; для основной школы – 17 директоров, завучей – 3, преподавателей – 44 [8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 226. Л. 74]. 12,6% учителей работали, не имея даже общего среднего образования [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 791. Л. 38]. По мере возвращения с фронтов войны раненых, в числе которых были и учителя, создавались педагогические условия, положительно влиявшие на школьников, т. к. фронтовики являлись примером верности Родине и воинского героизма, образцом для подражания. К осени 1945 г. число учителей в ХМНО составило 837 человек: 139 – мужчины и 698 – женщины.

Ниже представлена таблица, содержащая систематизированные данные о количестве школ, численности учащихся и учителей в них.

Таблица

Численность школ, учащихся и учителей в округе (1940–1945)

[Составлено по: 4, Ф. П-107. Оп. 1. 791. Л. 1-3; Д. 861. Л. 220; Д. 971. Л. 86, 90; 8, Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 232. Л. 9; Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 32. Л. 34; 9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3705. Л. 80]

Показатели	1940/41	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45	1945/46
Число школ всех видов	195	197	205	209	212	259
Численность учащихся	17136	14580	16367	18424	17914	16572
Численность учителей	806	763	738	804	822	837

Анализ сведений, приведенных в таблице, показывает, что численность школ увеличилась. Контингент школьников сократился по сравнению с довоенным учебным годом в 1941/42, 1942/43, 1945/46 учебных годах. Наибольшее сокращение численности учителей произошло в период 1941/42 и 1942/43 учебных годов.

Ухудшение с охватом детей школой в стране в целом, с одной стороны, и улучшение ситуации на фронте, с другой, создали условия для правительства обратить внимание на проблему всеобща. СНК РСФСР 14 июля 1943 г. принял постановление «Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением Закона о всеобщем обязательном обучении». В Ханты-Мансийске Инструкцию получили через месяц – 18 августа. 26 августа исполком окружного совета принял соответствующее решение (зав. окружным отделом народного образования работал И. Непомнящих). По данным окрисполкома, недоохват школой составлял примерно 5% учтенных детей школьного возраста (8–15 лет). Это были самые приблизительные оценки. Основными причинами непосещения школы являлись тяжелое материально-бытовое положение, удаленность образовательного учреждения, природно-климатические явления, а также заблеваемость учеников [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 3].

Дискуссионным является и вопрос о роли партийной и государственной власти в поддержке школы. Д.В. Кирилюк формулирует вывод, что школы округа испытывали «невнимание со стороны властей» [10, с. 33]. Анализ документов показывает, что полностью согласиться с данным выводом сложно. Прежде всего, минимальным был интерес со стороны ХМ ОК ВКП (б). Окружные партийные органы почти не вникали в проблемы детства, так как главное для них было выполнить производственную программу в рыболовстве, т. к. вся военная жизнь округа была подчинена этой приоритетной хозяйственной задаче. Ведь Югра наряду с Ямалом стали одним из центров рыболовства страны (планы по рыболовству в 1942 г. увеличили вдвое, а 1943 г. – втрое!) [13]. Изучение всех протоколов заседаний ХМ ОК ВКП (б) и материалов к ним за военный период показало, что вопрос, к примеру, связанный с детскими домами, рассматривался окружкомом только один раз [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 633, 634, 635, 692, 756, 757, 820, 831, 832], вопросы о школе ставились на заседании бюро обычно в связи с подготовкой к новому учебному году. Все заботы и решение проблем школьного образования перекладывались Ханты-Мансийским окрисполкомом на местные, преимущественно, районные исполкомы, те их в свою очередь – на отделы здравоохранения и образования, на сельские советы, а также и колхозы, которые не имели для этого достаточных финансовых, материальных, административных ресурсов. Тем не менее, общими усилиями, школы округа обеспечили непрерывный образовательный процесс.

ХМНО нуждался в кадрах. ВУЗы в округе отсутствовали, но имелись средние профессиональные учебные заведения: *Ханты-Мансийское педучилище* (далее – ХМПУ), *Фельдшерско-акушерская школа* (далее – ФАШ), *Рыбпромтехникум* и *Мореходная школа*.

ХМПУ осуществляло подготовку учителей для начальной школы. С началом войны и в течение всего периода кратно возросла нагрузка и на администрацию, и на учителей. Областной отдел народного образования (вначале Омский, с августа 1944 г. – Тюменский), осуществлявший руководство педучилищами, по оценке работников ХМПУ, не уделял им должного внимания, ни одного конкретного указания не поступило [12, с. 710].

Директорами училища являлись Н.А. Бельская и с 1944 г. – Г.Т. Величко. Приоритеты коллектива училища в работе сводились к следующему: сохранение контингента и повышение успеваемости, а также патриотическое и идейное воспитание учащихся. Профессиональное усиление педагогического состава произошло в связи с прибытием эвакуированных специалистов, которые находились в крайне сложных бытовых условиях, и по мере реэвакуации, старались побыстрее уехать домой. Тем не менее, годы их работы в округе, безусловно оказали благотворное влияние на образовательный и социокультурный процессы. Среди лучших педагогов назывались учителя: математики – В.Х. Гильц и Е.С. Буракова; филологи – М.И. Анисимова, В.В. Литвинов, К.И. Казаков; историки – Ю.М. Аверин, М.М. Ханина, преподаватель естествознания – Л.А. Величко [12, с. 711].

Существовали в ХМПУ следующие отделения: национальное, русское, а также подготовительное. Ученики подготовительного отделения (класса) находились на полном государственном обеспечении. Контингент сохранить было крайне сложно и преференции для детей коренных народов способствовали закреплению их в училище. А.Г. Киселев, проанализировав документы, считает, что в целом материальное положение училища находилось на удовлетворительном уровне. Продуктовое снабжение учащихся осуществлялось по карточкам первой категории. Не надо думать, что эти продукты выдавались бесплатно, карточка лишь давала право выкупить их. В 1944 г. в сутки полагалось 700 г хлеба, в месяц: масла и жиров – 800 г, мяса – 750 г, рыбы – 3 кг, крупы – 2 кг [12, с. 714]. Не все учащиеся получали стипендию. Подчеркнем, что обучение являлось платным только для учащихся русского отделения. Эти же учащиеся не получали и стипендию. Курс в подготовке учителей в данном учебном заведении оставался прежним – в русле «коренизации» кадров. В 1944/45 уч. г. набор для училища увеличили. В 1945 г. выпуск составил всего 16 учителей. Работало и заочное отделение, необходимое для ускоренной подготовки работающих без среднего образования учителей, а также существовали краткосрочные курсы. Всего с момента открытия, училище подготовило за 13 лет 291 учителя (57 – ханты и 29 – манси). Из числа выпускников 174 человека работали в округе (из них 154 учителями) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 109-110]. Положение училища в годы войны сильно ухудшилось, что сразу же сказалось на количестве выпускников.

Другим учебным заведением являлась фельдшерско-акушерская школа (далее – ФАШ). В военные годы школу возглавляли: Н.С. Трусов (1939–1942) и К.В. Степанова (1942–1945) [14, с. 49]. Медицинская служба несла большие потери на фронте, вследствие этого возникла острая необходимость восполнения кадрового резерва. Для того, чтобы решить задачи Наркомздрава, были задействованы все учебные медицинские учреждения страны, среди которых оказалась и Ханты-Мансийская ФАШ, перешедшая на ускоренную, но интенсивную программу подготовки (преподавали только специальные предметы; занимались по 10–12 часов в день). С августа 1941 г. в ФАШ начали работу курсы медицинских сестер без отрыва от производства. Занятия проходили ежедневно с 8 часов

вечера и длились по 4 часа. В ФАШ ввели платное обучение и это отрицательно повлияло именно на привлечение учащихся из числа коренных народов Севера. В 1945 г. число студентов коренных национальностей составляло не более 10%. Произошло снижение стипендии, которой даже на еду не хватало. Несмотря на плохие материальные условия, и иные тяготы жизни, учащиеся успевали вести благотворительную и общественную работу. ФАШ выпустила в период 1941–1945 гг. 244 специалиста (из них 22 человека из числа народов Севера, из которых половина приходилась на 1941 г., т. е. довоенный выпуск) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 1006. Л. 9]. В 1945 г. выпуск составил 45 человек. За 10 лет работы трехгодичной ФАШ учебное заведение выпустило 395 медиков, из них ханты и манси – 60 человек [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 109]. В годы войны ФАШ не снизила подготовку кадров, а наоборот, увеличила ее.

Техникум рыбной промышленности начал работу в 1941 г. после того, как в ноябре его перевели из Тобольска в Ханты-Мансийск [8, Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 198. Л. 81]. Учебное заведение осуществляло подготовку кадров средней квалификации: техник-технолог, техник-механик добычи рыбы, судоводитель, бухгалтер [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 654. Л. 17]. Первый выпуск специалистов в 1942 г. составил 97 человек. Для обеспечения преподавания Министерством рыбной промышленности в техникум были направлены преподаватели высокой квалификации. В их числе к.т.н., технолог К.Г. Белинская, инженер-технолог Х.С. Кузнецова, ихтиолог-рыбовод А.Е. Митител и др. [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 710. Л. 51]. Всего за военный период было подготовлено 180 технологов, механиков и бухгалтеров [18, с. 201].

В конце 1944 г. была открыта двухгодичная Мореходная школа юнг. В ней приступили к подготовке кадров для рыбопромыслового флота: судоводителей, паромехаников, мотористов. На 23 декабря 1944 г. в школе обучалось 83 человека. План набора не был выполнен (требовалось набрать 120 человек) [14, с. 67]. Работала школа в трудных условиях. Первый выпуск состоялся уже после войны в сентябре 1947 г. Тогда выпустили 66 специалистов [9, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 111].

Школы, а также и учреждения среднего профессионального образования работали всю войну и учебный процесс не останавливался. Кроме учебы, контингент учащихся участвовал в общественной жизни, оказывая тимуровскую помощь, участвуя в сборе средств и предметов для помощи фронту и жителям округа (семьи фронтовиков, детдомовцы) и мн. др.

Значительно сложнее обстояли дела в организации работы учреждений культуры (далее – УК). Внимание со стороны органов советской власти к ним отличалось периодичностью, но выражалось преимущественно в постановке задач, направленных на выполнение большого комплекса разных видов работы, связанной в большей степени с культурно-идеологическим просвещением, нежели с деятельностью по повышению общей культуры сельского населения. Отдел культуры при окрисполкоме был создан лишь в конце войны (1945 г.), следовательно, целенаправленное руководство данной сферой

отсутствовало. Кадров специалистов в сфере культуры округа не имелось, их подготовка не велась и ограничивалась, как правило, краткосрочными курсами. Некоторая острота кадровой проблемы была снята, когда приехали эвакуированные – люди с образованием, носители достаточно высокого уровня повседневной культуры.

Система культпросветучреждений округа сложилась в 1930-х гг., таковой она оставалась и в военный период. По принадлежности все УК можно разделить на ведомственные (государственные, относившиеся к ОКРОНО, а также профсоюзные) и колхозно-кооперативные. В 1942 г. всего насчитывалось 48 УК. Преобладали в системе учреждений избы-читальни (далее – ИЧ) и клубы. Так, в 1944 г. увеличилось число ИЧ до 74 (в 1941 г. их было 16), что привело к улучшению статистики (Дом народов Севера, 74 ИЧ, 6 домов соцкультуры, 2 культбазы, 15 библиотек, 5 красных чумов, 132 сельских и профсоюзных клубов) [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 25]. Данный формальный показатель не влиял на качественную сторону культурно-просветительской работы, она в большей степени оставалась традиционной по формам и содержанию. В 1945 г. общая численность УК составляла 116 [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 93].

Низовым звеном культурной работы в районах являлись ИЧ, размещавшиеся, где придется. Так, в селе Елизарово Самаровского района ИЧ работала при клубе и это был лучший вариант размещения. Там устраивались громкие «читки» газет, книг, журналов. Их проводили регулярно, примерно два раза в неделю. Здесь же проводили встречи с женами фронтовиков по обсуждению насущных вопросов хозяйства, быта, оказания помощи. В ИЧ выпускались стенгазеты, боевые листки. Работником ИЧ организовывался сбор денежных средств для помощи Запорожью, освобожденному от врага. Для бойцов Красной Армии собирали и отправляли посылки. В помощь семьям фронтовиков по инициативе ИЧ собирали продукты, деньги и одежду [8, Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В населенных пунктах округа культурная работа проводилась собственными силами: во всех районных клубах были сформированы оркестровые и вокальные группы; работали кружки; проводились концерты, спектакли, смотры художественной самодеятельности; оформлялись стенгазеты и боевые листки; проводились лекции и беседы; коллективные чтения газет. Материальная база УК страдала от исключительной бедности. Большинство из них не имели помещений и арендовали комнату, или даже ее часть (угол) у хозяйственных организаций, преимущественно, у колхозов (например, клуб и правление колхоза размещались в одном приспособленном помещении). УК испытывали потребности не только в помещениях, но и в мебели, в оснащении инвентарем и самым необходимым оборудованием (включая и музыкальные инструменты, ноты, сборники пьес и т. д.) [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 96].

Несколько лучше обстояло дело с УК в административном центре округа. Здесь работали кинотеатр, Дом народов Севера, 3 библиотеки и музей [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 843. Л. 132 об]. С кадрами – за счет эвакуированных – ситуация также отличалась в лучшую

сторону, чем в целом по округу. Весьма любопытным фактом военного Ханты-Мансийска являлось существование «Северного театра» (директором и художественным руководителем являлся Е.И. Просветов, режиссером М.Ф. Казанский – специалисты из числа эвакуированных). В труппе театра числилось 8 актеров и актрис. С энтузиазмом коллектив начал готовить спектакли, но в 1943 г. театр вынуждено прекратил работу из-за отсутствия финансирования и возобновил деятельность лишь в 1946 г. [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3535. Л. 1]. Н.А. Потанин, о котором упоминали ранее, при всей своей чрезвычайной занятости, вел большую общественную, творческую деятельность, в частности он создал и возглавил драматический кружок при окружном Доме народов Севера, ставил концерты, сам в них активно участвовал, а вырученные средства направлял на оборудование учебных заведений [21].

Самым интересным развлечением населения в окружном центре, в районных селах, на культбазах являлся кинематограф. Кино придавалось громадное значение, ведь оно рассматривалось как средство информации и просвещения, воспитания, и конечно, пропаганды и агитации. На 1 августа 1943 г. в округе имелись один кинотеатр, шесть кинозалов в райцентрах, обеспечивавших показ звукового кино и 9 кинопередвижек немного кино (всего 17 киноточек, а населенных пунктов в округе насчитывалось 795). Существовал окружной отдел кинофикации и отдел кинопроката. Фильмов было чрезвычайно недостаточно, соответственно оборотность фильмофонда – слабая (показывали в течение длительного времени один и тот же фильм), для фонда фильмов была характерна техническая изношенность. В Омск регулярно шли запросы из Ханты-Мансийска об увеличении фильмофонда [9, Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3535. Л. 37]. Кроме этого, не были доступны фильмы, созданные в период войны, в том числе документальные. Так, фильм «Разгром немецких войск под Москвой» поступил в округ лишь в навигацию 1943 г. И это было немое кино. Звуковой фильм «Ленинград в борьбе» поступил только 5 июля 1944 г. Не показывали в округе и кинохронику «Союзкино» [9, Ф.17-П. Оп. 1. Д. 3535. Л. 1 об.]. В 1944 г. имелось 12 кинопередвижек, но 8 из них не работали. В летний период, кинообслуживание отдаленных рыбацких песков и рыбозаводов осуществляли две культлодки. В 1945 г. звуковых киноустановок имелось – 7, немых – 6, установок в учреждениях профсоюзно-ведомственных – 5 и 21 соответственно. Всего, таким образом, в округе насчитывалось 39 киноустановок, из которых 27 могли демонстрировать только немое кино. За 1945 год было проведено 2516 киносеансов с охватом 355 875 человек [4, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 96], т. е. кино являлось наиболее массовым и популярным развлечением населения, сконцентрированного в окружном центре и селах, являвшихся районными центрами.

Имевшиеся 15 библиотек в округе играли важную роль среди читающего населения. Самой крупной являлась библиотека в Ханты-Мансийске (ее создание относится к 1934 г.). Она размещалась в Доме народов Севера и по ведомственной принадлежности относилась к отделу образования (т. е. Минпросвещения РСФСР). Нужно иметь в виду, что в округе уровень грамотности был чрезвычайно низкий: взрослое коренное население, как

свидетельствовали материалы переписи 1939 г., было сплошь неграмотным. В годы войны все попытки, направленные на работу по ликвидации неграмотности, не имели успеха и были остановлены.

Книжный фонд окружных библиотек в совокупности содержал около 80 тыс. экземпляров – приблизительно 4,5 тыс. книг на одну библиотеку. В красных чумах и ИЧ книг насчитывалось по 20–30 экземпляров. Книжный фонд за годы войны обветшал и почти не пополнялся.

Работники библиотек, находившихся в ведении Наркомпроса, вели активную просветительскую, агитационную и организационную работу, выступая на предприятиях перед трудящимися. Они развивали, в первую очередь, историко-героико-патриотическое направление, придерживаясь плана работы. Особое внимание уделялось чтению произведений литературы, а также газет, и их обсуждению.

В окружной газете «Сталинская трибуна» регулярно помещались критические заметки о деятельности УК (чаще они касались ИЧ, проблем в работе клуба, отсутствия кино и т. п.). Из газетных публикаций также следует, что основными формами работы УК являлись чтение и разъяснение материалов Совинформбюро, разбор боевых эпизодов из газет, чтение писем с фронта и т. д. [19].

Культработники старались использовать возможности культуры и искусства для максимального воздействия на настроения граждан, чтобы вселить в них оптимизм и веру в победу. Изученные документы свидетельствуют, что сфера культуры находилась в значительно более тяжелом положении, чем образование и медицина. В лучшем положении находились УК в Ханты-Мансийске и на культбазах. В целом для социокультурной сферы как системы была характерна в большей степени самоорганизация.

Ханты-Мансийскому округу с началом войны следовало перестроить тыловую жизнь во всех ее сферах, в том числе здравоохранении и культуре, при ограниченности ресурсов, кадров, тотальном дефиците самого необходимого. Нельзя не подчеркнуть, что социально-культурная деятельность носила партийно-государственный характер, и в соответствии с этим была выстроена модель её организации, финансирования и управления.

Медицинское обслуживание в годы войны являлось одним из ответственных и сложных участков работы в округе. Медицинская служба Югры выполняла задачи, поставленные Наркомздравом СССР перед тыловыми районами: оказание медицинской помощи населению, организация санитарной и противоэпидемической работы, здоровьесбережение детского населения. Охват медпомощью в годы войны сократился, а количество нуждающихся в ней увеличилось. Важнейшей проблемой здравоохранения являлась укомплектованность медицинских учреждений кадрами. Нехватка медиков в начальном периоде войны была несколько преодолена на завершающем этапе. Тяжелое материальное положение учреждений здравоохранения также осложняло выполнение поставленных задач. Тем не менее, основные мероприятия – санитарные,

профилактические, лечебные – осуществлялись. Нельзя при этом не подчеркнуть, что возникавшие вспышки заразных заболеваний локализовывались с большими трудностями, но все же, не развивались до размеров эпидемий.

В условиях, когда фронт поглощал основные средства и ресурсы, государству удавалось выделить ассигнования на образование, медицинское обслуживание, и в меньшей степени на учреждения культуры. Несмотря на трудности военного времени, местная власть пыталась по возможности оказывать поддержку школам и детям. В годы войны в округе не допустили массовой детской безнадзорности и беспризорности.

Остро стоял кадровый вопрос в округе. Подготовка специалистов средней квалификации велась в нескольких специальных учебных заведениях. Их выпускники готовились не только для работы в округе, но и в соседних регионах, а также отправлялись на фронт (особенно специалисты-медики). Отличием округа являлось отсутствие учреждений высшего образования. Подготовка кадров высшей квалификации не осуществлялась. В таких условиях положительную роль в качественном улучшении персонала сыграли эвакуированные специалисты: врачи, преподаватели, деятели искусства.

Положение общеобразовательных школ, специальных учебных заведений, медицинской сети, учреждений культуры было чрезвычайно трудным, но несмотря на выпавшие на долю военных поколений испытания, работа учреждений не прекращалась, и это был основной результат их деятельности, т. к. они – каждый на своем месте – выполняли должностные обязанности. Вместе с тем, необходимо обратить внимание и на то, что в социокультурной сфере накопилось множество проблем и противоречий. Не всегда региональная (да и центральная) власть осознавала влияние культуры и ее носителей на развитие общества в целом. Речь идет о системе социальных, моральных и правовых норм, координирующих, интегрирующих и регулирующих человеческие устремления, направляя их к единой цели на том историческом этапе, когда решался (и продолжает решаться) вопрос о существовании человеческой цивилизации.

В завершение уместно подчеркнуть, что исследование российского культурно-цивилизационного пространства немыслимо без конкретно-исторического анализа путей и стадий его формирования на материалах регионов – это позволяет составить объективную картину культурного прогресса конкретного региона страны как неотъемлемой части общероссийского исторического процесса [17, с. 276]. Культурные процессы северного российского региона на разных исторических этапах рассматриваются в современной науке как результат воздействия взаимообусловленного комплекса факторов общероссийского и локального характера, определяющих его социокультурную динамику. Период Великой Отечественной войны стал самым тяжелым испытанием и для власти, и для народа, и он показал, тем не менее, жизнеспособность государственного аппарата, доверие подавляющего большинства народа своему правительству и предотвращения общими усилиями надвинувшейся катастрофы.

Литература

1. Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство ХМНО в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2014. 142 с.
2. Бударин М.Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму: КПСС – организатор соц. преобразований в нац. районах севера Западной Сибири. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1968. 474 с.
3. Букренева К.Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2015. 205 с.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
5. Давыдова Ю.А. Здравоохранение в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 1999. 23 с. <https://clck.ru/38cwbF>
6. Завьялова Л.М. Здравоохранение Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. <https://clck.ru/gks5L>
7. Илиевский Н.В. Проблемы и задачи современной историографии Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 3-9.
8. Казенное учреждение «Государственный архив ХМАО – Югры».
9. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области».
10. Кирилук Д.В. Общеобразовательная школа Ханты-Мансийского национального округа во время Великой Отечественной войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1(21). С. 27-34.
11. Кирилук Д.В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 г.). Курган: Курганский Дом печати, 2019. 400 с.
12. Киселев А.Г. Далеко от войны: повседневная жизнь Ханты-Мансийского национального педучилища в 1941–1945 гг. // Вестник утраведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 709-717.
13. Набокова Л.В. Рыба для фронта // Югра. 2005. № 10. С. 63-67.
14. Назмутдинов Г.Р., Антонов В.Е., Загуменных П.Г., Самедов Э.А. Жизнь выпускников фельдшерско-акушерской школы в годы Великой Отечественной войны // Новые педагогические исследования. Сб. статей. Международная научно-практическая конференция. Пенза: Изд-во Наука и просвещение, 2020. С. 48-52. <https://clck.ru/38cwdf>
15. Организация учебно-воспитательной работы в школе в 1941/1942 учебном году // Учительская газета. 1941. 23 августа.
16. Патрикеев Н.Б. Школьники Югры в годы Великой Отечественной войны. Забота государства о детях и их вклад в победу над врагом // Великий подвиг народа. Четвертые военно-исторические чтения, посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Докл. и соощ. 3–5 мая 2010 г. Ханты-Мансийск: ООО Типография «Югра-Принт», 2013. С. 53-62.

17. Попов А.А. Историко-культурная проблематика в исследованиях историков института языка, литературы и истории КОМИ НЦ УрО РАН (2012–2016 гг.) // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография). Сборник статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. 295 с. С. 275-295.

18. Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 280 с.

19. Салимова Н.С. Школьное образование и деятельность культпросветучреждений в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: (по материалам газеты «Сталинская трибуна») // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Вып. 11. Нижневартовск-Омск, 2011. С. 162-166.

20. Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны, 1941–1945. Екатеринбург: ПАКРУС, 2005. 221 с.

21. Струсь Л.Ф. Памяти Н.А. Потанина // Страницы истории здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 1930–1940-е годы. <https://clck.ru/38cwpC>

22. Тимошенко А.И. Сибирский тыл как исторический феномен XX столетия // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 64-72.

References

1. Alekseeva, L.V. (2014). Ry`bnoe khozyajstvo XMNO v gody` Vtoroj mirovoj vojny` (1939–1945 gg.). Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 142 s. (in Russ.).

2. Budarin, M.E. (1968). Put` maly`x narodov Krajnego Severa k kommunizmu: KPSS – organizator socz. preobrazovanij v nacz. rajonax severa Zapadnoj Sibiri. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. Om. otd-nie, 474 s. (in Russ.).

3. Bukreneva, K.G. (2015). E`vakuirovanny`e leningradskie detskie doma v Xanty`-Mansijskom nacional`nom okruge v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 205 s. (in Russ.).

4. Gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti. (in Russ.).

5. Davy`dova, Yu.A. (1999). Zdravooxranenie v gorodax Sibiri v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: 1941–1945 gg. Avtoref. diss. ... k.i.n. Novosibirsk, 23 s. (in Russ.). <https://clck.ru/38cwbF>

6. Zav`yalova, L.M. Zdravooxranenie Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 godov. (in Russ.). <https://clck.ru/gks5L>

7. Ilievskij, N.V. (2010). Problemy` i zadachi sovremennoj istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny` // Voенно-istoricheskij zhurnal. № 5. S. 3-9. (in Russ.).

8. Kazennoe uchrezhdenie «Gosudarstvenny`j arxiv XMAO – Yugry`». (in Russ.).

9. Kazennoe uchrezhdenie «Istoricheskij arxiv Omskoj oblasti». (in Russ.).

10. Kirilyuk, D.V. (2010). Obshheobrazovatel'naya shkola Xanty'-Mansijskogo nacional'nogo okruga vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny'. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. № 1(21). S. 27-34. (in Russ.).
11. Kirilyuk, D.V. (2019). Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Yugre (1945–1991 g.). Kurgan: Kurganskij Dom pečati, 400 s. (in Russ.).
12. Kiselev, A.G. (2020). Daleko ot vojny': povsednevnyaya zhizn' Xanty'-Mansijskogo nacional'nogo peduchilishha v 1941–1945 gg. *Vestnik ugrovedeniya*. T. 10. № 4. S. 709-717. (in Russ.).
13. Nabokova, L.V. (2005). Ry'ba dlya fronta. *Yugra*. № 10. S. 63-67. (in Russ.).
14. Nazmutdinov, G.R., Antonov, V.E., Zagumenny'x, P.G., & Samedov, E.A. (2020). Zhizn' vy'pusknikov fel'dshersko-akusherskoj shkoly v gody Velikoj Otechestvennoj vojny'. *Novye pedagogicheskie issledovaniya*. Sb. staej. Mezhdnarnodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Penza: Izd-vo Nauka i prosveshhenie, S. 48-52. (in Russ.). <https://clck.ru/38cwdf>
15. Organizaciya uchebno-vospitatel'noj raboty v shkole v 1941/1942 uchebnom godu. (23 avgusta 1941). *Uchitel'skaya gazeta*. (in Russ.).
16. Patrikeev, N.B. (2013). Shkol'niki Yugry v gody Velikoj Otechestvennoj vojny'. Zabota gosudarstva o detyax i ix vklad v pobedu nad vragom. *Velikij podvig naroda. Chetverty'e voenno-istoricheskie chteniya, posv. 65-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne*. Dokl. i sooshh. 3–5 maya 2010 g. Xanty'-Mansijsk: OOO Tipografiya «Yugra-Print», S. 53-62. (in Russ.).
17. Popov, A.A. (2017). Istoriko-kul'turnaya problematika v issledovaniyax istorikov instituta yazy'ka, literatury i istorii KOMI NCz UrO RAN (2012–2016 gg.). *Istoriko-kul'turnye aspekty izucheniya severny'x territorij Rossii (issledovaniya, istochniki, istoriografiya)*. Sbornik statej. Sy'kty'vkar: GOU VO KRAGSiU, 295 s. S. 275-295. (in Russ.).
18. Pribyl'skij, Yu.P. (1986). Sovetskij Sever v gody Velikoj Otechestvennoj vojny' (1941–1945 gg.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 280 s. (in Russ.).
19. Salimova, N.S. (2011). Shkol'noe obrazovanie i deyatel'nost' kul'tprosvetuchrezhdenij v Xanty'-Mansijskom nacional'nom okruge v gody Velikoj Otechestvennoj vojny': (po materialam gazety «Stalinskaya tribuna»). *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'*. Kraev. zap. Vy'p. 11. Nizhnevartovsk-Omsk, S. 162-166. (in Russ.).
20. Serazetdinov, B.U. (2005). Yugra v gody vojny', 1941–1945. Ekaterinburg: PAKRUS, 221 s.
21. Strus', L.F. Pamyati N.A. Potanina. *Stranicy istorii zdravooxraneniya Xanty'-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry', 1930–1940-e gody*. (in Russ.). <https://clck.ru/38cwpC>
22. Timoshenko, A.I. (2015). Sibirskij ty'l kak istoricheskij fenomen XX stoletiya // Ural'skij istoricheskij vestnik. № 1 (46). S. 64-72. (in Russ.).

дата поступления: 27.11.2023

дата принятия: 02.12.2023

© Алексеева Л.Б., 2024